

З Н А К И



С У Д Ь Б Ы

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«Знаки судьбы»

Романы Натальи Калининой

Яблоневый сад для Белоснежки
Малиновый запах надежды
Аромат колдовской свечи
 Стеклянный омут
 Семь сокрытых душ
Ледяной поцелуй страха
 Секрет черной книги

Цикл о колдунье Инге

 Узор твоих снов
Девушка, прядущая судьбу
 Код фортуны
 Побег из страны грез

Романы Татьяны Форш

 Цыганское проклятье
 Призрачный бал
 Тайна пиковой дамы
 Черный котел
Обряд на падающую звезду

Романы Александра Форш

 Янтарный ангел

Т а т ь я н а

Ф о р ш

*Ведьмин
Крест*



Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф80

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

Иллюстрация на переплете *Е. Петровой*

Форш, Татьяна.
Ф80 Ведьмин крест : [роман] / Татьяна Форш. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Знаки судьбы. Романы Татьяны и Александра Форш).

ISBN 978-5-699-95300-4

Старинный амулет — массивный плетеный крест с изумрудным камешком — единственное, что досталось Соне в наследство от матери. Правда, девушка и думать забыла об украшении, пока оно не выпало из шкатулки после переезда из интерната в студенческое общежитие. Как раз с тех пор Соне начали сниться кошмары, будто переносящие в иную реальность. А ее нового знакомого Виктора стали преследовать большие неприятности. Соня уверена, что причина кроется в загадочном амулете, хоть Вик и считает иначе...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95300-4

© Гессер Т., текст, 2017
© Петрова Е., иллюстрация
на переплете, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*С огромной благодарностью
Филимоновой Ольге
за неоценимую помощь
и дружескую поддержку
в работе над книгой.*

ПРОЛОГ

Т а ночь была темнее всех, а может быть, так показалось Анастасии. Та ночь разделила жизнь на то, что было, и то, что не произойдет никогда.

— Мы должны спасти людей! наших детей! — говорила мать, пряча глаза, и сама не верила в то, что произносит это. Еще месяц назад она говорила Анастасии совсем другое. Они сидели на крыльце дома и, глядя в звездное небо, мечтали о том, что осенью, после ее пятнадцатилетия, они отпразднуют ее помолвку с Михаем, а по зиме сыграют свадьбу.

Мать говорила ей, что она единственная, у кого из их детей так ярко и самобытно проявился колдовской дар. Она прочила Анастасии великое будущее. И что теперь?

— Вы меня убьете?

— Наоборот! Ты будешь жить вечно! Ты сможешь быть, кем захочешь! Ты будешь проживать жизнь за жизнью! — Отец присел перед ней на

Татьяна Форш

корточки и, не таясь, заглянул в ее полные слез глаза. — Не бойся! Верь мне! Если бы у меня был выбор, я бы, не задумываясь, сделал его, но выбора нет. Если граф не получит то, чего хочет, он убьет не только тебя, но и твоих братьев, твою маму, меня. Он убьет всех! От мала до велика! Он убьет твоего любимого!

Анастасия только кивнула.

— Хорошо. Я согласна пойти на эту жертву. Пусть будет так...

Костер развели большой. Огромный!

Анастасия помнила все смутно. Ее мутило от ужаса, когда двое мужчин заволокли ее на самый верх поленницы и, привязав к торчавшим кольям, ушли.

Вскоре дымом заволокло все вокруг. Жаль, что сейчас ночь... не взглянуть еще раз на солнышко...

— Настяааа!

Крик донесся сквозь треск пожираемых огнем поленьев...

Анастасия дернулась, всмотрелась в толпу, пытаясь разглядеть.

— Любимый! Михай! Зачем ты пришел! Зачем они сказали тебе?

— Я буду любить тебя! Помнить всегда! Мы еще встретимся-а-а!!!

Крик оборвался. Анастасия наконец-то увидела его. Любимый! Стражники графа несли его бесчувственное тело к краю очерченного отцом кру-

Ведьмин крест

га. Бросив его за границей света, они направились обратно.

Анастасия зарычала от рвущих ее изнутри гнева и боли. Как они могли так! С ним?!

Она даже не заметила подбиравшегося все ближе и ближе к ней колдовского огня. Его зеленые сполохи не были горячими, не обжигали, наоборот, превращали сердце в кусок льда. А может, причина тому настой, что заставила ее выпить перед казнью мать?

Наконец Анастасия услышала басовитый голос отца. Он стоял у костра, в самом его пламени, и как ни в чем не бывало читал свое заклинание. Настя должна была стать сильнее его и мамы вместе взятых, так он говорил. А может... он просто испугался ее силы? Ее возможностей? И потому принес в жертву?

Анастасия почувствовала, как лопается, обугливается ее кожа от замораживающего огненного вихря, как трещат волосы, и не в силах сдержать рвущуюся в мир агонию из чувств и приближающейся смерти закричала:

— Я вас ненавижу! Всех вас! За то, что отняли мою жизнь, мою любовь, я буду искать вас и ваших потомков, и не будет никому пощады! Никогда-а-а-а!

В следующий миг она почувствовала, как весь мир завертелся разноцветной спиралью, сжался в изумрудную точку, и наступила мгла.

ГЛАВА 1

— М

атушка, смилуйся! Не скажу никому! Никому не скажу! — Холоп Митька, тощий, бритый наголо пацаненок лет пятнадцати, попятился, скользя по снегу, испуганно таращась на ступившую с крыльца на двор одетую в длинную ночную рубашку босоногую барыню. Хотя и не барыня она вовсе. Обычная бесприданница, всего-то на пару лет его старше. Да, видно, приглянулась хозяину, раз в свои годы под венец эту пигалицу повел.

— Что ты никому не скажешь? — Барыня с улыбкой подходила все ближе, пока Митька не уперся спиной в стену овина. Ее красивое лицо застыло безумной маской, черные волнистые волосы повисли паклей, омоченные не водой, а кровью убиенной ею только что прислужницы Маньки. Она сейчас была точно демон из ада в этом белоснежном, холодном миру.

«И меня убьет! Дернуло же заглянуть в спальню! Лучше бы спал на конюшне и знать не знал о всех

Ведьмин крест

этих ужасах!» — с тоской подумалось парню. Стараясь не глядеть на белоснежную ночную рубашку барыни, испачканную темно-красными брызгами крови, он упал на колени и стал истово креститься.

— Ничего! Никому! Вот те крест! Никому!

— Правильно. Никому! — Хозяйка приблизилась так близко, что от запаха крови желудок парнишки сжался в тугой комок. Обуянный животным ужасом, Митька уставился в ее полыхнувшие колдовской зеленью глаза. — Потому что ты сейчас пойдешь в конюшню и повесишься. Понял?

— Нет. — Холоп быстро-быстро замотал головой и отчаянно выкрикнул: — Нет! Скоро приедет барин! Он все узнает! Узнает!

Он, вереща, вскочил и, поскальзываясь на снегу, бросился прочь.

Софья, не переставая улыбаться, развернулась, глядя, как парень вспугнутым зайцем несется к воротам усадьбы. И вот, когда он нырнул под раскидистую иву, стоящую у самого забора, ветви-плети, подчиняясь вековечному злу, таящемуся на дне ее сияющих колдовской зеленью глаз, захлестнулись на тощей шее слуги и потянули вверх.

— Никто. Ничего. Не узнает! — промурлыкала Софья, глядя на агонию холопа, развернулась и пошла к каменному двухэтажному дому, где безмятежно спал ее любимый. Ничто и никто не должен побеспокоить его сон... Тем более глупая прислуга, так не вовремя заявившаяся со своим чаем, и этот мальчишка холоп, наблюдавший за ними в окно.

Никто!

Татьяна Форш

* * *

Задыхаясь от липкого ужаса, Соня села на кровати, пытаясь прийти в себя от привидевшегося кошмара. Приснится же! Какие-то холопы, девушка вся в крови... Сперва Соня решила, что эта девушка — она сама: такая же высокая, черноволосая, зеленоглазая, яркая. Вот только видела Соня себя со стороны. Разве во сне так бывает?

Нет! Это точно была не она! Хотя даже имя похожее...

Наверное, все дело в экзаменах. Перенервничала. Да и будущее неясно. Если поступит — хорошо. А если нет? Надо где-то искать работу, жилье.

От мыслей о будущем стало еще хуже, но, по крайней мере, ужас, навеянный сном, растаял, словно и не было. Ведь ее настоящая жизнь едва ли не страшнее самого жуткого кошмара.

Но так было не всегда. До десяти лет ее жизнь была прекрасна, и будущее виделось безоблачным. До приезда бабушки Светы. Она оказалась теткой мамы, вырастившей ту. Об этой Свете Соня, как ни странно, ничего не знала.

Приехала гостя из какой-то глухомани в Сибири. Прожив у них около недели, она попала в больницу и больше к ним в дом не возвращалась. Мама сказала, что бабушка уехала к себе домой. Соня узнала, что это не так, спустя месяц, когда нашла свидетельство о смерти.

А дальше начался кошмар похлеще, чем во сне. Папина фирма очень быстро разорилась. Какие-то

Ведьмин крест

люди стали приходить к ним в дом, угрожая. Мама стала часто исчезать из дома, возвращаясь только под утро. Однажды Соня нашла в ванне следы крови, а в мусорном ведре окровавленное платье мамы.

Отец на все вопросы дочери отмалчивался. Сказал только, что мама решает их общие проблемы и не надо волноваться о том, что ее, Соню, не касается.

Мама появилась через неделю. Ту ночь Соня запомнила навсегда. Сперва до нее доносились взволнованные голоса родителей, затем раздались крики, и вдруг наступила тишина, да такая, что Соне захотелось залезть под кровать и никогда-никогда оттуда не вылезать!

Вскоре дверь распахнулась, и на пороге ее спальни появилась мама. Скользнув по дочери невидящим взглядом, она только бросила: «Прости». Достала сотовый. Набрала короткий номер и произнесла:

— Улица Садовая, дом семь, квартира пятнадцать. Я только что убила мужа.

Чтобы избавиться от нахлынувших воспоминаний, Соня даже потрясла головой. Прошло уже семь лет, а все помнилось так, словно было вчера. Маму осудили на десять лет. И даже то, что судьи решили признать случившееся убийством по неосторожности, не смягчило приговор.

Татьяна Форш

Мама умерла в тюрьме через пять лет. Соня уже жила в детском доме, когда однажды ее вызвала к себе директриса и, пряча глаза, протянула сверток.

— Тут вещи твоей мамы. Мне сообщили, что она погибла. Мне жаль.

Соне тоже было жаль. До судорог в животе, до ломоты в костях. И себя. И маму. И отца. И их когда-то счастливую жизнь, полную надежд и мечтаний. А главное, жизнь, полную любви.

Она вернулась в комнату и, когда соседки заснули, достала фонарик. Развернув газетную бумагу, Соня с жадностью принялась перебирать оставшиеся после родительницы вещи. Платье, в котором мама была на суде, её часы, узорная подвеска — крест из переплетенных линий. В центре светился, переливаясь зеленым, небольшой прозрачный камень. Здесь же лежало несколько листов, исписанных убористым маминым почерком. Письмо. В нем она просила прощения, говорила, что непричастна к убийствам партнеров и кредиторов отца. Да и в смерти отца тоже была невиновна. Что все произошедшее — это какое-то помешательство. Колдовство.

Соня проревела в ту ночь до утра. Она так и не поняла, что же на самом деле произошло с фирмой отца, с их семьей, но почему-то в душе появилась непоколебимая уверенность, что всему произошедшему могла бы дать объяснение бабушка Света. Если бы была жива...

Ведьмин крест

Признавшись себе, что больше не уснет, Соня поднялась, тихо оделась и, чтобы не будить досматривающих последний сон подруг, вышла из комнаты. На кухне никого не было. Повариха тетя Маша приходила в шесть, значит, у нее есть целый час, чтобы еще раз спокойно хорошенько обдумать, в какой институт отнести документы. Конечно, ей, детдомовке, высшее образование не светило бы вообще, если бы не отличная сдача ЕГЭ. Сто баллов из ста.

Соня знала, что этот шанс она выгрызла у жизни упорством и терпением. А еще желанием вернуть себе счастливую жизнь. Пусть уже и без родителей. Она привыкла быть одна, но очень надеялась, что теперь время ее одиночества подошло к концу.

— О! Сплюшка! — голос тети Маши заставил ее вздрогнуть и вскочить ей навстречу. — Да сиди ты, заполошная!

Она прошла мимо девушки, повязала фартук, надела косынку и принялась за дело. Бухнула на плиту кастрюлю литров на десять, наполнила ее молоком и включила.

— Опять манка? — Соня уже привыкла, что повариха звала ее Сплюшкой. У тети Маши была причуда давать воспитанницам смешные прозвища. Сами же девчонки, как ни старались, дать ей прозвище не смогли. Дальше Маша-Каша не пошло.

— Не опять, а снова! — подмигнула повариха, налила себе крепкого чаю и села напротив. — Ну?